

Фролова Алина Ивановна

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ "ТРАГИЧЕСКИХ ПОЭМ" АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ

В статье рассматриваются основные географические образы "Трагических поэм" Агриппы д'Обинье. Автор статьи прослеживает их трансформацию в нескольких пространственных планах с учетом требований риторического замысла поэта, для которого сам текст поэм - это поле сражения. Идиллические пейзажи времен Древней Греции постепенно окрашиваются в красный цвет, театральные подмостки греческой трагедии уступают место полю брани, а сам поэт становится новым пророком.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 176-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Эпизация романного мышления происходит по принципу единства исторического и логического, ставящему в своеобразные причинно-следственные связи человека и действительность, характер и обстоятельства [2]. Принцип социально-исторической детерминированности судьбы человека и судьбы народа определяет характер эпического в пределах романного целого, ставит проблему субстанциональной доминанты эпического, стремящейся реализовать на практике богатейшие, неисчерпаемые возможности реализма.

Отсюда трансформация старых художественных структур, вызванная глубинным соотношением эпического познания национального мира и общечеловеческих нравственно-этических начал в романном мышлении. Так, схема архитектоники жанровой формы осетинского исторического романа 70-80-х годов XX века в общем типологически схожа со схемой построения данного типа романов, скажем, 20-30-х годов. Все дело только в глубине аналитического начала в постижении национального образа мира, этнического бытия, в масштабах эпической и философской форм познания и мышления

Список литературы

1. **Фидарова Р. Я.** Осетинский роман XX века. Проблемы истории и теории: монография. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. 304 с.
2. **Фидарова Р. Я. Кайтова И. А.** Особенности художественного характера в осетинском романе-мифе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 1. С. 182-184.
3. **Черчесов Г.** Заповедь: роман. Орджоникидзе: Ир, 1983. 483 с.

NATIONAL IMAGE OF THE WORLD IN G. CHERCHESOV'S NOVEL "COMMANDMENT"

Fidarova Rima Yaponovna, Doctor in Philology, Professor
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania

Kaitova Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
irinakaytova@mail.ru

The article reveals the originality of artistic embodiment of the specificity of the national image of the world in G. Cherchesov's historical novel "Commandment". Artistic and aesthetic consciousness of the Ossetians, studying the ethnic bases of national existence, the degree of their evolution as a result of major historical events of the beginning of the XX century, has developed its fundamental and basic formula. In particular, it forms the system of the most important ontological philosophemes, around which the genre structure of the Ossetian historical novel is created. These philosophemes help the Ossetian novel thought put into the center of its artistic and aesthetic findings the whole system of moral and ethical problems.

Key words and phrases: ontological problem of existence; national character; historical circumstances; ethnic existence; national traditions; system of moral values.

УДК 82-1

Филологические науки

В статье рассматриваются основные географические образы «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье. Автор статьи прослеживает их трансформацию в нескольких пространственных планах с учетом требований риторического замысла поэта, для которого сам текст поэм – это поле сражения. Идиллические пейзажи времен Древней Греции постепенно окрашиваются в красный цвет, театральные подмостки греческой трагедии уступают место полю брани, а сам поэт становится новым пророком.

Ключевые слова и фразы: риторика; географические образы; барокко; поэтика пространства; гугенотская поэзия; героический индивидуализм; трагедия.

Фролова Алина Ивановна, к. филол. н.
Самарский государственный технический университет
frolik5@yandex.ru

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ «ТРАГИЧЕСКИХ ПОЭМ» АГРИППЫ Д'ОБИНЬЕ®

Географические образы занимают особое место в повествовании «Трагических поэм» [2; 3] – поэтическом произведении Агриппы д'Обинье. Как и большинство барочных авторов, его преследует ощущение непостоянства, хрупкости, изменчивости жизни. Новому мироощущению находят новые образно-стилевые

соответствия. Для того чтобы придать своему творению масштаб вселенной, д'Обинье применяет необычайные космографические познания. Несомненно, в одной из последующих работ надлежит проследить географический план целого творчества автора. Это поможет значительно расширить понимание смысла отдельных частей «Трагических поэм», но прежде чем пускаться в столь глобальные исследования, необходимо сосредоточиться на взаимоотношениях географии и риторики в тексте поэм.

Цель данной статьи – выделить основные географические образы «Трагических поэм» Агриппы д'Обинье, проследить их трансформацию в нескольких пространственных планах с учетом требований риторического замысла поэта.

Н. Брок в своей работе «География Ренессанса» отмечает, что «география имеет много общих черт с поэзией» и что «приемы их описания – одни и те же» [6, р. 73]. Если в настоящее время география – наука, которая базируется на научном подходе, то ее ренессансный аналог – искусство слова, риторика. Это тесное сходство между географией и поэзией создает благоприятные условия взаимного обмена приема описания двух дисциплин: космографы говорят образно, а образы поэтов рисуют миловидные садики, расположенные где-то в северной части Греции, родине поэзии, благодатной почве для вдохновения.

Фессалия д'Обинье насыщена поэтическими географическими эпитетами, которые заставляют сверкать эту дивную и неподвижную поэтическую местность, где вот-вот произойдет извержение вулкана. Целесообразно рассмотреть это кровавое преобразование пейзажа в трех планах.

«Реки цвета стали... преобразились в кровь» [2, с. 81]

Поэтика «Трагических поэм» рисует нашу планету посредством образных выражений, простых сравнений, а также аллегорий и олицетворений. Образы, которые составляют географию произведения, могут рассматриваться с точки зрения герменевтики. Так, образ мира, который предлагает Агриппа Обинье, необходимо трактовать как знак, включенный, в свою очередь, в сеть поэтических и религиозных значений.

Поэты Возрождения, как правило, уподобляют свое творчество идиллическому пейзажу – зеленой лужайке или миловидному садику [1, с. 18]. Агриппа д'Обинье упоминает в «Трагических поэмах» о «полях Фессалии, о пажити лесной» [2, с. 81] – районе северной Греции, чье географическое значение отходит на второй план, оставляя на первом месте поэтический смысл, приобретенный еще во времена Античности. Строки первой поэмы «Беды» детально описывают на свой манер топографию этого поэтического места:

...чистые ручьи – Кастольскому сродни –
Поившие певцов в безоблачные дни,
Теперь все высохли: а реки цвета стали,
В которых то сапфир, то жемчуга сверкали,
Преобразились в кровь, и моет костяки
Под нежный шепот волн течение реки [Там же].

Как видим, Агриппа д'Обинье отказывается от принятых в эпоху Возрождения норм поэтической риторики. Причина тому – ужасные кровавые распри, раздирающие Францию. Манерное пасторальное клише он расценивает как предательство по отношению к трагическим событиям, сотрясающим Францию. *Ego* Фессалия обгагрывается кровью, иначе и быть не может.

Д'Обинье в воинственных поэмах заставляет преодолеть свой собственный Рубикон, предлагает свой, новый путь:

Я мыслями лечу над мутным Рубиконом,
Я преступил черту и вот за сим кордоном
Лег незнакомый путь, где прежде никогда,
Как вижу, человек не оставлял следа [Там же, с. 79].

Воды Рубикона становятся мутными от крови, как и родники Фессалии: поэтика Агриппы не чуждается крови, она, наоборот, упивается ею. Кровавая муза поэта – авангардная, как сказали бы сегодня, – создает свои собственные поэтические пейзажи, такие как, например, мистический сад из «Золоченой палаты», описывающий страдания протестантов:

Испепеленных прах бесценных злаков семя,
И после холодов и долгих дней тоски
Взойдут весенние цветущие ростки
Дохнут целительным бальзамом благовонно
На стогнах и дворах небесного Сиона.
От крови, пролитой по манию владык
Струится дождь с небес, из-под земли родник,
Стеблей божественных питая корневища,
Струится с влагою божественная пища
И вздохи узников, покинув мрачный свод,
Стремятся, как зефир, овеять мир красот [Там же, с. 230].

Риторические мотивы цветка и ручейка в данном случае иносказательны. Поэт сохраняет образ цветущего сада, но придает ему совсем другое значение, разрушая идиллию присутствием крови и, в то же время, являя символ ужаса и надежду на поэтическое возрождение. Запятнанный кровью пасторальный садик превращается в нетронутый и дикий луг, в поле битвы.

«Ботфорты здесь в ходу» [Там же, с. 82]

Итак, появляется новое географическое пространство поэзии, чьи неровности противопоставляются «миловидным лужайкам» Фессалии. Истинное место поэзии «Трагических поэм» – поле битвы. Освобождаясь от поэтической традиции, но продолжая работать над географическими образами, поэтика автора находит новое место. Агриппа д'Обинье – одновременно поэт и солдат, защищающий правое дело истинной веры. И как настоящий солдат он выбирает символом своего творчества поле боя, что выражено в следующих строках:

Таков мой новый лик, изображенный словом,
Где от иной любви сияю светом новым
Под Марсом яростным средь боевых невзгод,
Где строки на листе размочит едкий пот
В полях Фессалии, на пажити зеленой
Мы бросим наш напев над ратью утомленной,
Когда отложит длань на время ржавый меч
И бросит бремя лат с отяжелевших плеч
Но лиру, спутницу сих песен вдохновенных,
Способны заглушить раскаты гроз военных
Здесь истинная кровь и подлинная боль,
Смерть на подмостках сих, увы, не просто роль,
Она свой правит суд и сыплет пепел в урны.
Ботфорты здесь в ходу, а вовсе не котурны,
И Мельпомену я зову вступить в игру [Там же, с. 81-82].

Как видим, автор заменяет цветущий уголок полем боя, Аполлона – богом войны Марсом, театральные котурны – солдатскими ботфортами. Поэт так и пишет: «Ботфорты здесь в ходу» – и тем самым вводит новый образ в новую поэтическую местность. Отныне смерть и кровь вдохновляют поэта, а его музой становится «слепа Белонна» [Там же, с. 326], богиня войны.

Д'Обинье бросает в атаку на врагов свои стихи. Вдохновение и поэтика Агриппы вписываются в особую топографию – переход через Альпы армий Анибалла. Во вступлении к первой поэме читаем:

Коль надобно идти на легионы Рима,
Коль италийский сброд разить необходимо
Припомнить впору нам, как в Альпах Анибалл
Сквозь кручи кислотой проходы прожигал.
Мой огненный порыв, а также едкость нрава
Семь гор прожгут насквозь, как едкая протрава [Там же, с. 79].

Д'Обинье формирует поэтическое пространство, свое риторическое поле битвы вокруг Рима. Он пересекает Альпы, затем Рубикон. Но только вербально.

Кроме того, автор находит особое удовольствие представляться пророком. Пророк – другой образ Святого Писания, с которым он часто себя сравнивает. Образ молодого Давида, сражающегося с Голиафом, в свою очередь, заставляет отправиться в следующее географическое пространство – пустынную местность.

Давид в изгнании

Текст «Трагических поэм» звучит пророчески, вдохновенно. Стало быть, и местностью для такой речи может быть только безлюдное место. На самом деле, пророки всегда находятся в уединении. Так, например, Иоанн Креститель добровольно оставляет людей и уходит в изгнание, чтобы отыскать путь к Богу и услышать его голос.

Роль вступления «Трагических поэм» заключается в том, чтобы обозначить поэтический замысел при помощи описания безлюдного пейзажа. Именно в безлюдное место уходит поэт искать истину, которой он решает посвятить свое произведение:

Святая истина в изгнание горько тужит,
Скитаясь в пустошах, живет среди обид.
В темнице на цепи, избитая сидит...

...

...Я встретил истину в изгнание на берегах
Безлюдных островов, где всюду мертвый прах [Там же, с. 145].

В предисловии поэт пишет, что он нашел уединение в самом себе. В хронологии произведения мир духовного пристанища, которое включает в себе истину, предшествует ужасу поля брани. Но именно из изгнания автор ведет свое наступление:

Среди скал собирал в глуши
 Обкатанные гольши
 А истина пращу сплетала
 И вскоре в мировой простор
 С размаху жалобы метала,
 А я стихом разил в упор [Там же, с. 63].

Тема уединенного пристанища достигает в «Трагических поэмах» мистического размера. В Откровениях Иоанна Богослова безлюдная местность дает пристанище беременной женщине, преследуемой драконом. Это уединенное место, как подчеркивает д'Обинье, становится убежищем для реформаторской церкви:

Где даль безлюдна и пуста,
 Где заплуталась роженица,
 Поскольку гнал в пустыню страх,
 Где Церковь бедная томится
 Единственный родник в песках
 Дракон лежит, передыхая,
 Бросает взгляд, смиряет прыть [Там же, с. 64].

Таким образом, образ пустынного пространства сочетает в себе три важных составляющих риторики поэта: битву, поэзию и истинную веру. Последним пристанищем для него является путь, который ведет к подлинной жизни, к очищению:

Обетованный небом дол
 Пускай не плоден ты и гол,
 Зато приносишь нам, счастливый,
 Дары небес, дары земли [Там же].

В тексте «Трагических поэм» появляется совсем новое, не известное до сей поры географическое пространство, где повсюду присутствует кровь, чей цвет становится еще одним важным источником поэтического вдохновения. Другими словами, поэтика «Трагических поэм» – это своего рода риторика пращи, которая жалит и ранит. Иногда создается впечатление, что д'Обинье стремится воспитать вкус своего читателя, извлекая из чудных садов Фессалии следующие образы:

Сих грозных круч, сих скал ряды
 На глаз суровы и тверды,
 Но души этим видам рады [Там же, с. 71].

Как видим, каждый из представленных географических образов поэтического текста неизменно несет в себе отпечаток трагизма и создает лирико-патетическую интонацию произведения. При этом четко просматривается основная цель «Трагических поэм»: призвать читателя в свидетели своей правоты во имя истинной веры и всеобщей справедливости. Данная цель достигается, прежде всего, постоянной сменой пространственно-временных рамок: конкретных событий современности, похожих фактов из древнейшей истории человечества и событий из Священного писания.

Список литературы

1. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. 268 с.
2. Обинье де Т. А. Трагические поэмы. М.: Рипол Классик, 2002. 560 с.
3. Aubigné Agrippa d'. Oeuvres / éd. Henri Weber. P.: Gallimard, 1969. 643 p.
4. Bachelard G. La Poétique de l'espace. P.: PUF, 1957.
5. Béguin F. La construction des horizons: nature, lieux, paysages dans la littérature et la géographie. Thèse: EHESS, 1991.
6. Broc N. La Géographie de la Renaissance, Editions du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques. P., 1986. 264 p.

THE GEOGRAPHIC IMAGES OF “LES TRAGIQUES” (“TRAGIC POEMS”) BY AGRIPPA D’AUBIGNE

Frolova Alina Ivanovna, Ph. D. in Philology
 Samara State Technical University
 frolik5@yandex.ru

The article examines the main geographic images of “Les Tragiques” (“Tragic poems”) by Agrippa D’Aubigne. The author of the article traces their transformation in several space plans with glance to the requirements of the rhetorical message of the poet, for whom the text of poems is the field of a battle. The idyllic landscapes in the times of Ancient Greece are gradually painted in red, the theatre stages of the Greek tragedy give way to the field of battle, and the poet becomes a new prophet.

Key words and phrases: rhetoric; geographic images; baroque; poetics of space; Huguenot poetry; heroic individualism; tragedy.